

Астрономическая юмореска Д. ПАНКОВА

Иллюстрации Н. КОЧЕРГИНА

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ

Я давно мечтал побывать в междупланетном пространстве. Оттуда весь звездный мир мне представлялся бы в совершенно ином виде, так сказать, перетасованным, с другим расположением созвездий, в ином освещении, с новыми объектами. И солнечная система, весьма загадочная, несмотря на успехи астрономии, вероятно, открыла бы мне не одну свою тайну.

Но как проникнуть туда? Где тот воздушный корабль или ракета, которые могли бы пронестись со мной хотя бы по нашей солнечной системе, человеческой космической родине? О междузвездном мире я уже не мечтал. Я долго ломал голову над этим вопросом, но, наконец, додумался. Чорт — вот кто меня повезет! Правда, с приходом советской власти черти были упразднены вкупе с царями и князьями. Ну, а вдруг на мое счастье кое-кто из чертей и остался на советской территории? Чем, в самом деле, чорт не шутит? Надо не полениться и поискать.

Вставал второй вопрос: где бы могли водиться черти? Я стал вновь соображать и сообразил: конечно, там, где больше соблазну для человеческой души. Испокон веку черти терлись вокруг всякого рода искусства: танцев, музыки, скульптуры, театральных зрелищ. Увлечется человек эстетикой, забудется, а чорт тут как тут: цап душу у ретозея и был таков! И когда меня осияла эта догадка, я отправился на

один из самых красивых балетов: «Конек-Горбунок». И можете себе представить — не ошибся! Ах, сколько здесь оказалось чертей! Однако, увидеть чорта и полететь на нем не одно и то же. Опять являлся вопрос: как его использовать? С присущей мне сообразительностью я и тут нашелся. Я подметил, вероятно, безработного чорта, ибо он шатался один по фойе театра. Я вспомнил, что во все века и у всех народов лицо, желавшее овладеть бесом, хватало его и осеняло крестным знаменем. Чорт тогда делался беспомощен как таракан, и у него можно было получить, что хочешь. Я решил действовать без промаха. Делая вид, что не обращаю на него внимания, я стал подкрадываться к нему, когда подошел достаточно близко, вдруг сделал скачек и крепко схватил одною рукою за хвост, а другою стал крестить его со спины.

Чорт от неожиданности подскочил, потом быстро повернулся ко мне. Морда его изображала величайшее изумление. Но, почувствовав на спине прикосновение моих крестьянских пальцев, он залился хохотом. Хохот его был визгливый, скрипящий, как будто хохотала незапертая дверь.

— О-хо-хо-хе-хе-хе! Цхе-дхе-дхи-дхи! Цхи-дхи-дхи! Бросьте, гражданин, хвост... Вель, чтобы верить, что крест помогает против чорта, нужно в бога верить, а вы — сознательный, — и вдруг спину мне крестите... О-дхе-дхе-дхе-дхи-дхи! Вот разодолжил! О-хо-хо-хо!

Он стих и с еще неуспокоившимся лицом глядел на меня. Я готов был провалиться сквозь землю.

— Вы извините, — бормотал я в смущении, — я, конечно, пошутил... Я со всем моим уважением... Поймите, что в первый раз встречается такая редчайшая сила в вашей... морде... в вашем лице, то-есть...

Повидимому, он был польщен.

— Если вы думаете побывать в междупланетном пространстве, сказали бы прямо.

Я сам туда собираюсь и ничего не имею, чтобы прихватить вас. Вдвоем все веселее. Вы когда желали бы отправиться?

— Да, хоть сейчас! — воскликнул я, выносясь от радости.

— Мне все равно, — деловито заметил чорт. — Идите в раздевальную, оденьтесь и ждите меня. Я сейчас туда спущусь.

Я быстро побежал вниз, оделся и стал поглядывать на лестницу, ожидая увидеть спускающегося чорта. Неожиданно я почувствовал, как какая-то сила подхватила меня кверху, пронесла невредимо сквозь потолок и крышу театра, и не успев я осмыслить положения, как и Ленинград, и СССР, и весь земной шар оказались у меня глубоко под ногами в желтой мгле. У меня дух захватило. Царствовала абсолютная тишина, только время от времени поскрипывали оси планет.

— Перепугались? — услышал я под собою знакомый голос. Я глянул. Оказалось, я очень удобно сидел на плечах чорта, а он обнял мои ноги. У его пояса висел большой белый узел.

— Куда же вы хотели бы направиться? — спросил он.

— На Луну. Начнем с ближайшего и известного и перейдем к неизвестному и сложному... — дидактическим тоном сказал я. Чорт усмехнулся.

— Из какой-нибудь методикки изволите дитировать? На Луну, так на Луну. Держитесь крепче!

НА ЛУНЕ.

Мы повернулись лицом к Луне. Стол январь месяц и в междупланетном пространстве ощущался сильнейший мороз: влияние льдов Полярного океана сказывалось даже здесь. По мере нашего приближения Луна увеличивалась в размерах с необычайной быстротой. Отчетливо обрисовывались щеки, губы, глаза; особенно явственно торчал вперед нос. И вот уже тут, с первых шагов, я имел возможность отметить, как не-

суразны наши земные представления о Луне, и как давно необходима была экскурсия в мировое пространство для ис-

правления наших о нем знаний! Луну всегда изображают круглолицей, румяной, смеющейся деревенской бабой. Ничего подобного!

Передо мной было худое, мертвое, все в морщинах лицо старухи. Ввалившиеся щеки, закрытые глаза, беззубый рот.

— Что она — спит? — спросил я чорта.

— А разве вы сами не знаете? Луна же — мертвое тело. Это во всех ваших учебниках написано. Она давно отжила свой век.

Быстро приближались мы к планете и стали опускаться. Около самой поверхности Луны я услышал странные звуки, похожие на чихание и кашель. Спустились. Со всех сторон к нам бросились лунные жители. Но что за физиономии были у них! Собственно говоря, физиономии не было, а вместо щек, обвязанные марлей и ватой, торчали с обеих сторон вздувшиеся футбольные мячи, между которыми выдавался вперед огромный, разбухший, сизо-багровый нос. И все они немилосердно чихали, стонали, хрипели, кашляли. Я думал, что попал в лазарет.

— В чем дело? — недоумевал я.

— Неужели непонятно? — укоризненно обратился ко мне чорт. Ведь на Луне есть свет и тень и нет атмосферы. На солнце—

На Луне.

150 градусов жара, а в тени — столько же мороза. Луножитель находится постоянно под влиянием резкой смены температуры. Вот у всех и флюсы, все и простужены. Ясно?

Я окинул взором все видимое пространство. Луножители там и сям толпами грелись на солнце, растаяввшие прямо на почве. Погретившись несколько минут — больше они, очевидно, не выдерживали — они вскакивали, и с красными, потными физиономиями толпами бежали

ник пальто. Термометр показывал ровно 273° по Цельсию.

— А теперь куда? — спросил чорт.
— Право не знаю, Ну, хоть на Венеру.
— Хорошо. Там мы будем перед рассветом. Там, кстати, вы и отогреетесь.

НА ВЕНЕРЕ.

От страшного холода я не мог сомкнуть глаз. К утру мы приблизились к планете и вдвинулись в зову густых облаков, окру-

жив от кратеров. Но там было невероятно холодно, и через несколько минут они с посиневшими от стужи лицами снова устремлялись на солнце, — согреться. Очевидно, в таких перебежках они вынуждены проводить всю жизнь. И все время не прекращалась симфония оглушительного чихания, кашля и хриплых стонов.

— Ну, и жизнь здесь! — сказал я. — Знаете что? Уедем отсюда по-доброму, по-здорову, пока не заразились каким-нибудь гриппом.

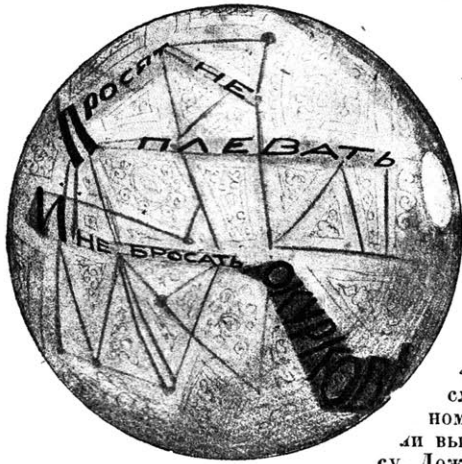
Чорт выполнил мою просьбу в одно мгновение: я едва успел ухватиться за его рога, как мы уже были далеко от Луны, и она быстро сокращалась в размерах. Наступила ночь. Я ежился от холода и поднял ворот-

На Венере.

жающих Венеру сплошным толстым слоем. Спустились. Ручьями лил дождь, и я моментально вымок, точно окупнулся в ванну. Сквозь пелену водяных струй различил, что мы находимся в лесу. Было неестественно тепло. Отовсюду поднимался пар, стояли лужи воды. Я качнулся и дотронулся до одной из луж. Вода в ней оказалась теплюю, как в кастрюле на плите.

— Почему она теплая? — спросил я чорта.

— Я удивляюсь, — ответил чорт, — до какой степени скудны ваши познания в астрономии! Разве вы не знаете, что Венера сейчас переживает третичный период. В эту эпоху на Земле также было тепло и мокро.

На Марсе.

на всех планетах, даже на Солнце. Со стыдом мне пришлось признаться, что я, действительно, ничего не смыслил в астрономии. Мы стали выходить из лесу. Дождь не переставал ни на секунду. Перед нами открылась долина, окутанная клочками тумана. Там и сям, в одиночку и группами, по хорошо шоссированным дорогам двигались венерды — обитатели планеты. Меня удивил и рассмешил их костюм, вернее — отсутствие костюма. Они были совершенно голы, только на ногах все имели глубокие галоши, а сверху, над головой, держали зонтики. И еще более удивило, что женщины были украшены бриллиантовыми ожерельями и золотом, а мужчины курили дорогие сигары. Даже поденщицы носили золотые запястья на ногах и руках.

— Странный костюм! — проговорил я.
— Ничего странного нет, — возразил чорт. — Для чего им костюм? И так тепло, как в бане. А от сырости снизу и сверху достаточно галош и зонтика.

— А бриллианты и золото почему?
— Достаток, — огромное сбережение средств. На одежду не тратятся, на жилище — тоже, еды надо мало, потому что не надо лишних калорий на поддержание в теле тепла. Кроме того, они часто моются на теплом дожде. В баню не надо ходить. Благодаря чистоте у них нет заболеваний, получается экономия на лекарствах и врачах. При хорошем жаловании куда же девать заработок? Вот и покупают женщины драгоценности, а мужчины тратятся на папиросы и пиво.

Я осмотрелся. Из растений здесь росла только зонтичная пальма, так сказать, самой природой снабженная защитой от дождя — зонтиками. Другие растения, очевидно, вымерли. По Дарвину это называется выживанием наиболее приспособленных... То там, то здесь торчали вывески, но все с одними и теми же надписями: «Трескал» и «Брилси». Я обратил внимание чорта на вульгарность и безграмотность надписей. «Трескал! Грубо. Почему не написать — «ел»? А «Брилси» — «брился». — Чорт засмеялся.

— «Трескал» — это «Трест галош». А «Брилси» — «Бриллиантовый синдикат». Только всего.

Мне стало невмоготу в моей теплой одежде.

— А люди тут есть?

— Конечно.

Люди есть на всех планетах, даже на Солнце.

Со стыдом мне пришлось признаться, что я, действительно, ничего не смыслил в астрономии. Мы стали

выходить из лесу. Дождь не переставал ни на секунду. Перед нами открылась долина, окутанная

клочками тумана. Там и сям, в одиночку и группами, по хорошо шоссированным дорогам двигались венерды — обитатели планеты. Меня удивил и рассмешил их костюм, вернее — отсутствие костюма. Они были совершенно голы, только на ногах все имели глубокие галоши, а сверху, над головой, держали зонтики. И еще более удивило, что женщины были украшены бриллиантовыми ожерельями и золотом, а мужчины курили дорогие сигары. Даже поденщицы носили золотые запястья на ногах и руках.

— Странный костюм! — проговорил я.
— Ничего странного нет, — возразил чорт. — Для чего им костюм? И так тепло, как в бане. А от сырости снизу и сверху достаточно галош и зонтика.

— А бриллианты и золото почему?
— Достаток, — огромное сбережение средств. На одежду не тратятся, на жилище — тоже, еды надо мало, потому что не надо лишних калорий на поддержание в теле тепла. Кроме того, они часто моются на теплом дожде. В баню не надо ходить. Благодаря чистоте у них нет заболеваний, получается экономия на лекарствах и врачах. При хорошем жаловании куда же девать заработок? Вот и покупают женщины драгоценности, а мужчины тратятся на папиросы и пиво.

Я осмотрелся. Из растений здесь росла только зонтичная пальма, так сказать, самой природой снабженная защитой от дождя — зонтиками. Другие растения, очевидно, вымерли. По Дарвину это называется выживанием наиболее приспособленных... То там, то здесь торчали вывески, но все с одними и теми же надписями: «Трескал» и «Брилси». Я обратил внимание чорта на вульгарность и безграмотность надписей. «Трескал! Грубо. Почему не написать — «ел»? А «Брилси» — «брился». — Чорт засмеялся.

— «Трескал» — это «Трест галош». А «Брилси» — «Бриллиантовый синдикат». Только всего.

Мне стало невмоготу в моей теплой одежде.

— Нельзя ли прекратить обзор Венеры?
— Когда угодно. Куда же мы направимся?

— На Марс.

НА МАРСЕ.

Подлетая к Марсу, я жадно искал знаменитых каналов. Однако, по мере нашего приближения к планете, я видел, как беспорядочные линии «каналов» строились в буквы, и я, наконец, прочел: «Планета Марс. Просят не плевать и не бросать окурков!» Вот те и раз! А каналы что-же? — не существовали, значит? И такая прозаическая надпись через всю планету — чем она вызвана? Дело в том, что марсиане, как люди высококультурные, давно перестали ползать на автомобилях и железных дорогах по земле; они летают по воздуху. У них огромные рейсы на Юпитер, Сатурн, на Солнце, с которыми они ведут деятельный товарообмен. Чтобы летчикам и своим, и чужим не блуждать в поисках планеты при перелетах на огромной высоте, они и написали: «Планета Марс». С другой стороны, — при распространении этого способа передвижения, — что бы было, если бы все сверху бросали окурки, да еще плевались бы? Конечно, в самый короткий промежуток времени планета оказалась бы заплыванной и покрытой слоем окурков.

Когда мы совершенно опустились на почву планеты, я был несказанно удивлен, что все доступное моим взорам пространство оказалось застланное персидскими коврами. Это зачем? При огромном воздушном движении часто случаются столкновения, и люди падают вниз. А чтобы не ушибиться, посыланы ковры. Вот чем, между прочим, объясняется оранжевый цвет планеты, который земные ученые приписали, — смешно сказать, — пустыням на Марсе!

На Юпитере.

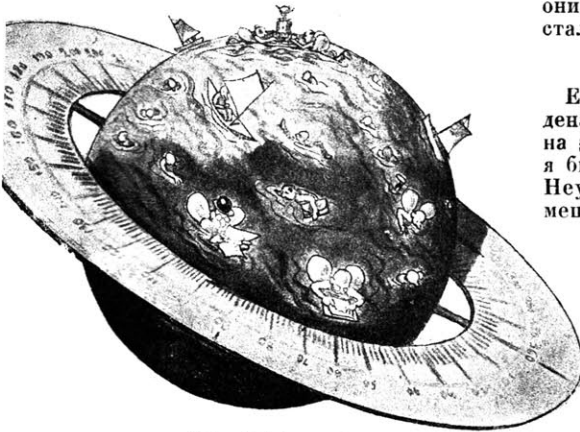
АСТЕРОИДЫ.

С Марса чорт меня понес на Юпитер. На пути нас чуть не раздавили. В одном месте мой возница вдруг на всем скаку мгновенно остановился, и я кубарем полетел через его голову. Шапка моя соскочила, и потом мне долго пришлось ее искать среди всяких созвездий.

— В чем дело? — сердито оклинул я.

— Разве не видите? Чуть под трамвай, то бишь... под астероид не попали. Смотрите — несутся!

Я глянул влево. К нам длинною цепью тянулись какие-то огромные светящиеся шары. Не успел я, как следует, рассмотреть, как один из них — передний — в долю секунды вырос в планету. Она со свистом

На Сатурне.

пронеслась мимо, обдав нас облаком пыли. За ней — вторая, третья, четвертая. Мы еле успевали отскакивать, и так как они плыли не вереницей, а разбросанно, мы замечались, как угорелье... Я насчитал их ровно 1054. И мы сделали тысячу пятьдесят четыре скачка, избегая понасть под их вертящиеся тела.

— Ах, чтоб их чорт побрал! — воскликнул бес, отирая пот. — Как я про них забыл? Можно было бы пробраться в объезд...

НА ЮПИТЕРЕ.

Вот и Юпитер. Мы очутились на обширной пащадке. Здесь стройными рядами стояли юпитериане и производили упражнения. Когда нас увидели, к нам подошло два юпитерианца. При их приближении я невольно попятился. Передо мной были два рослых детены, огромного роста, с необычайно развитою мускулатурой. Особенно поражала мускулатура ног. Не занятые гимнастикой что-то жевали, двигая челюстями справа налево, по-коровьему. По окончании упражнений все также принялись за еду. Ели очень долго, а затем снова построились в ряды и опять предались упражнениям. Мы с чортом уселись на травке и ждали, что будут делать юпи-

териане дальше. Но нового ничего не увидели: гимнастика сменялась едой, еда гимнастикой. Так — целый день. Я не мог понять, чем вызвано такое однообразное времяпрепровождение.

— Но, вель, это же Юпитер — разве вы не знаете? На нем тяжесть в два с половиной раза больше, чем на Земле. Следовательно, чтобы передвигаться, надо огромную силу, а чтобы иметь силу, необходимы мускулы и питание. Вот они едят и упражняются.

— А культура у них есть?

— Конечно, есть: физкультура!

— И больше ничего?

— А вы посмотрите на их физиономию.

Я всмотрелся. Необычайно маленькая верхняя часть лица и колоссальные челюсти. Лба не было совсем, а волосы на голове начинались непосредственно от бровей. К нам они были совершенно безучастны. Мне вдруг стало скучно, и мы полетели к Сатурну.

НА САТУРНЕ

Еще далеко от него почувствовал запах денатурированного спирта, но не обратил на это обстоятельство должного внимания: я был поглощен загадкой кольца Сатурна. Неужели правда, что оно состоит из камешков, как то предполагают земные астрономы? Каково же было мое разочарование, когда, подлетев вплотную, я увидел перед собою простой медный ободок с делениями на 360 градусов, которые у нас, обыкновенно, описывают школьные глобусы! Сатурниты таким образом, повидимому, избавляли себя раз навсегда от необходимости обращаться к картам и справочникам, когда требовалось определить долготу места. Что ж, экономно!

На поверхности планеты меня ожидал новый сюрприз: она оказалась жидкою, и сатурниты, подвязав подмышки пузыри и пробковые пояса, передвигались вилась. Твердой земли нигде не было.

— Но почему же эта жидкость пахнет денатуратом? — в недоумении спросил я своего ччероне из ада.

— Если бы вы хорошо знали астрономию, вы бы не задали подобного вопроса, — ворчливо ответил чорт. Плотность Сатурна раза в два — в полтора меньше плотности воды. А какая жидкость соответствует такой плотности? Спирт. Сатурн и состоит из спирта. А чтобы сатурниты не вздумали его разбавлять водой и пить, как водку, он денатурирован. Ясно?

— Ясно, но спирт так воняет, что отираюсь дальше.

НА НЕПТУНЕ.

Уран оказался по ту сторону своей орбиты и поэтому мы полетели к Нептуну — последней планете нашей солнечной системы. Приближаясь к нему, я услышал громкий храп, несшийся с его поверхности. Я выразил на лице недоумение. Чорт поторопился его рассеять.

— Посмотрите назад — каким кажется отсюда Солнце?

Я оглянулся. Дневного земного светила я не увидел, а влади блестящая звездочка, величиною немного больше нашей Венеры. Света было явно недостаточно и на поверхности Нептуна царствовал вечный полумрак. Нептунянам ничего не оставалось, как предаться непрерывному дневному и ночному сну.

С Нептуна мы появились обратно. Около самого Солнца нам показался Меркурий.

— Залетим?
— Залетим.

НА МЕРКУРИИ.

Каждая из планет имела свой специфический запах. С Меркурия отчаянно несло гарью. Солнце над нашими головами пылало в виде огромного раскаленного медного таза. Неудивительно, что меркуриане ходили все в страшных ожогах и в волдырях и от малейшего прикосновения к ним кричали благим матом. Других звуков я и не слышал. Что касается птиц и четвероногих, то все они существовали здесь только в зажаренном виде, а речки с рыбой представляли собою текучую уху.

— А знаете что? — обратился ко мне чорт: собственно говоря, дельной планеты Меркурия не существует, а есть только две половинки ее. Хотите убедиться?

В самом деле, когда мы подлетели к краю планеты, под нами открылась огромная щель. В нее можно было увидеть противоположный край планеты. С другой стороны, щель замыкалась вторым полушарием Меркурия. От него несло ледяным холодом. Я не мог сообразить, в чем дело.

— Меркурий вращается вокруг Солнца, повернутый к нему только одной своей стороной, как наша Луна к Земле, — разъяснил мне чорт: на этой стороне его — жар, на обратной — страшный холод. Планетка и треснула пополам, как трескается поставленный на снег горячий стакан.

В МЕТЕОРЕ.

Однако, я не забывал, что хотел побывать еще на Солнце. Я посмотрел на часы: они показывали ровно половину пятого. Чорт бери! Нам предстояло покрыть восемьдесят восемь миллионов километров, и я предпочитал добраться до Солнца засветло, до наступления ночи. Мы поторопились в путь.

На Нептуне

По мере приближения к светилу делалось все горячее и горячее. Я задумался: а как же мы пролетим зоны солнечной раскаленной атмосферы, да еще толщиной в несколько десятков тысяч километров? Ведь так, пожалуй, долетишь до солнечного твердого ядра в форме щепотки золь, а не живого сознательного наблюдателя! Угадав, по обыкновенно, мои мысли, чорт остановился и заговорил:

— Чтобы безвредно пробраться сквозь солнечный огонь, надо найти большой метеор с дырой посредине и сесть туда. Там — температура мирового пространства. На метеоре мы

благополучно и прикатим к месту назначения.

Мимо моих ушей, по направлению к Солнцу, со всех сторон жужжали какие-то невидимые пули и снаряды. Будучи колоссальным телом, Солнце притягивало к себе несметные количества метеоров всяких величин. Их-то я и слышал. Неожиданно чорт с невероятной быстротой понесся за чем-то и крикнул:

— Цепляйтесь!

Я увидел тогда, что впереди нас летел огромный камень с пещерою внутри. Мы бежали за ним во весь дух, сляясь ухватиться за его край. Мне это так напомнило уличных ребят, цеплявшихся за «кобасу» трамвая, чтобы на нем прокатиться, что я рассмеялся.

— Цепляйтесь же, чорт вас возьми, а то прозеваете, — заорал, разозлившись, чорт.

Наконец, мы ухватились и вспрыгнули. Нас сразу объял холод, как будто мы уселись на северный полюс. Но мы постарались залезть еще глубже в пещерку, где было еще холоднее. Не попадая зуб на зуб, я видел сквозь узкое отверстие дыры, как воздух вне нас становился все светлее и превратился, наконец, в ослепительно блестящий пламень. Очевидно, мы уже проникли в солнечную фотосферу. Я зажмурил глаза, хотя меня слепило даже через закрытые веки.

В то же время я чувствовал, как постепенно мне делалось теплее и теплее, а затем стало и горячо. Я почти обжигался о камень и задыхался от жара, как вновь стал пропадать и блеск.

На Меркурии.

и невыносимый жар. Потом наш воздушный экипаж сразу где-то шлепнулся, разлетелся в куски, и мы благополучно выпали на какую-то поверхность.

— Слава богу — живы! — радостно проговорил чорт.

НА СОЛНЦЕ.

— Мы на Солнце? — спросил я.

— О, да!

размеров ящички. Дым из них не поднимался вверх, как у нас, а тоже, извиваясь, точно под ударами, прикипал к солнечной поверхности. Еще удивительнее оказались животные и люди. Не было никого, кто бы ходил: все ползали. Пастух гнал стадо коров, прижав животом к земле и странно распластав в стороны руки и ноги, как будто он плыл. Коровы не шли, а волочили свои туловища по траве, также растопырив в стороны

На Солнце.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались: лица и костюмы наши были покрыты слоем копоти, как будто мы путешествовали внутри печной трубы. Насколько могли, отряхнулись и осмотрелись. Какой, однако, странный пейзаж! Все деревья здесь росли не вверх, а книзу, стлались по земле. Толстые ветви толстейших стволов извивались по земле, точно колосальные удавы, травы прилегли к почве плотную, образуя мягкие неровности. Дома были похожи на низкие, толстые, больших

ноги. Тащили свои животы по земле лошади, овцы, собаки, гуси, индюшки. И кроме того все имели странно плоскую форму, как будто их всех только что вынули из-под пресса. Особенно смешны были люди: они походили на лепешки с руками, ногами и головой. Все были одеты в очень тонкую кисею и, проползши несколько шагов, останавливались и начинали вытирать обильно струившийся пот. Лица у всех были изможденные, точно они встали после болезни. Очень сильно пахло потом.

По обыкновению, я ничего не понимал, и чорт не преминул уколоть меня моим невежеством.

— Вы также сведущи в астрономии, как я в различении собачьих пород, — проворчал он. Массу-то Солнца вы хоть знаете? Знаете, что на его поверхности всякая тяжесть в двадцать семь раз тяжелее, чем на Земле? Земной пуд здесь весит двадцать семь пудов, а земной человек — около ста пудов. Солнце всех тянет к своему центру: растения, дым, животных, человека. Вот все это и распласталось.

— А отчего же потом пахнет? — спросил я.

— И этого не сообщайте? Но ведь вы же, в конце концов, все-таки на Солнце: жарко, все потеют...

Он замолчал, потом засуетился, отвязал от пояса белый узел и сказал:

— Побудьте вы здесь, а я побегу дельце одно обделаю.

Через полчаса он возвратился, держа в руках толстый бумажник.

Обделаю!

— Какое дельце?

— А колбасы полтавской немного продал. У нас на Земле полтавская колбаса — 87 копеек фунт. Здесь фунт идет за 27 фунтов, следовательно, я — то имею право без прибыли и без убытку, а, так сказать, по себестоимости продать за двадцать три с половиной, а с маленькой накидочкой (за доставку) и за все тридцать. Я взял с собою фунтиков тридцать с небольшим. Тысяченку и выручил. Вот они!

И он, довольный, вновь потряс бумажником.

Мои мечты разыгрались. В самом деле, как скоро и легко можно разбогатеть! Двинуть бы сюда всего на-всего вагончик колбасы, а продать ее здесь — за целый поезд в 27 вагонов. Сколько бы тысяченков можно было отложить в сберегательную кассу после такой опе-

рации! И как, действительно, полезно всякому человеку хорошо изучать астрономию!

Между тем жара делала свое дело: пот с меня тек ручьями. Надо было подумывать о возвращении на Землю. Однако, с Солнца не летел кверху ни один метеор, как же нам выбраться отсюда? Я уныло смотрел на беса.

— А кометы на что? Подождем комету, они часто сюда залетают.

ДОМОЙ, НА ЗЕМЛЮ!

Действительно, вскоре мы увидели, как по Земле волочился широкий хвост кометы, а она сама на большой высоте направала все усилия, чтобы отделиться от Солнца. Мы побежали к хвосту и постарались как можно плотнее завернуться в его складки, чтобы не подвргнуться действию жара фотосферы.

Через час комета осилила притяжение Солнца, и мы взвились кверху. Сначала, чтобы самим не тратить сил, мы решили было использовать комету для передвижения к Земле, но, оказалось, по справкам, что комета держала путь в занептунские области и была нам не по пути. Мы на ходу спрыгнули с хвоста и самостоятельно двинулись к Земле.

— Знаете что, — сказал чорт, — давайте для разнообразия обратный путь совершим кверху ногами.

— Как так? А прилив крови к голове?

— Да так: в мировом пространстве нет ни верха, ни низа. А если так, можно перевернуться.

Мы перевернулись кверху ногами и уже таким образом достигли Земли.

Здесь я из чувства благодарности долго жал чорту копыто, потом записал его адрес и обещал бывать у него. Мы расстались друзьями.

